

*Soda
Press*

Алёна Филипенко

**ВСЁ НЕ ТО,
ЧЕМ
КАЖЕТСЯ**

SODA PRESS

Москва, 2026

УДК 821.161.1
ББК 84(2)6
Ф53

Книга издана с согласия автора

Все права защищены. Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме для частного или публичного использования возможны только с разрешения правообладателя

Филипенко, Алёна.
Ф53 Все не то, чем кажется : [роман] / Алёна Филипенко. — Москва : Soda Press ; Эксмо, 2026. — 384 с.

ISBN 978-5-04-240576-1

Она не знает даже его имени. Он знает о ней все.

Неудачи подстерегают Есю повсюду: в личной жизни, на работе и даже дома. Но что бы ни случилось, она не теряет надежды на лучшее будущее. Однажды, когда оптимизм девушки иссякает, в ее жизни появляется друг по переписке, понимающий Есю с полуслова. Она решает во что бы то ни стало отыскать незнакомца, который скрывает имя и лицо, не подозревая, к каким последствиям это приведет...

УДК 821.161.1
ББК 84(2)6

© Алёна Филипенко, 2024
© Издание, оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2026. Soda Press
ISBN 978-5-04-240576-1 © Adams Carvalho, иллюстрация на обложке, 2024

пролог

Есения

В детстве я была непоседливой и любопытной. Я задавала родителям тысячи вопросов, хотела пойти во все стороны сразу, чтобы посмотреть, что там. Папа щелкал меня по носу и говорил: «Любопытство сгубило кошку». Смысл этих слов я совершенно не понимала. Повзрослев, искала в интернете ответы. Оказывается, это английская поговорка. По одной из версий, у нее есть продолжение, но папа о нем, наверное, не знал. Полный перевод звучит так: «Любопытство сгубило кошку, но, удовлетворив его, она воскресла». Согласитесь, фраза сразу обретает совершенно противоположный смысл.

Наблюдатель

Мне было двадцать, а тебе — восемнадцать, когда мы впервые встретились на той хеллоуинской вечеринке в клубе, где я подрабатывал барменом.

Ты пришла в компании ведьмы, медсестры и вампира.

Я не мог отвести от тебя взгляд. Грязно-белое свободное платье в пол покрыто бурыми разводами, на лице —

«синяки» и «запекшаяся кровь», на шее — красное кольцо, имитирующее перерезанное горло, волосы небрежно падают на плечи. Ты была очень красивой, и пугающий грим тебе шел.

Я надеялся, что ты пойдешь к стойке за напитками, но, к моему огорчению, ко мне направились ведьма и вампир. Я мог наблюдать за тобой только издалека.

Позже мне повезло, и за следующим бокалом ты отправилась сама.

Я следил за тобой, когда ты медленно шла в мою сторону. Что-то сдавило мне легкие, и на мгновение я забыл, как дышать. Сковало все тело... я не мог пошевелиться. Сердце перестало биться. И я просто глядел на тебя и думал, что вдруг со мной произошло. А затем сердце словно взбесилось, забилось с утроенной силой. Я снова смог дышать, и вместе с воздухом легкие стали наполняться чем-то, чему я не знал названия.

Меня напугал этот калейдоскоп чувств и эмоций.

Подойдя к бару и посмотрев на меня, ты ахнула:

— Синяя Борода? Не может быть!

Я хмыкнул, стараясь скрыть волнение под маской неприужденности:

— Знаю, непопулярный и несправедливо забытый образ.

А вы... — Я замялся, думая, кем ты можешь быть.

Ты хитро посмотрела на меня:

— Отгадай.

— Что-то на тимбёртоновском? Труп невесты?

— Неа.

— Саманта из «Звонка»?

— Мимо.

— Девочка из «Интервью с вампиром»?

— Снова мимо.

Чем больше промахов я делал, тем шире ты улыбалась. Я чуял тут подвох, но не мог распознать его. И наконец беззащитно поднял руки:

— Сдаюсь. Прости, я не поклонник хорроров.

Ты выдержала интригующую паузу:

— Ты сейчас упадешь. Я твоя мертвая жена!

Я открыл рот от удивления. Погладил свою накладную синюю бороду:

— Ты меня обманываешь!

— Честное слово.

— Ну кто нарядится в мертвую жену Синей Бороды? Все хотят быть Дракулой, Уэнсдей, Малефисентой или Пеннивайзом.

Ты гордо улыбнулась:

— Спойлер: я.

— Как тебе это пришло в голову?

Ты пожала плечами:

— Не знаю. Просто это моя любимая сказка.

Ты замолчала, в восхищении меня разглядывая и поражаясь такому совпадению.

— Нет, но с ума можно сойти! Я просто обязана сделать с тобой селфи!

Ты достала телефон, перегнулась через стойку и, прижавшись щекой к моей щеке, обняла меня.

— Что налить моей мертвой жене? — спросил я после того, как ты сделала несколько фотографий. — Напиток за счет заведения.

— Правда? — обрадовалась ты. — Мне черный мартини со льдом.

Пока я делал тебе мартини, мы немного поболтали про вечеринку, костюмы и музыку. Вместе с бокалом я дал тебе

конфетку: просто удача, что это оказался «Золотой ключик». Ты потянулась за ириской, но я не спешил ее отдавать.

— Ходи везде и пользуйся всеми ключами, кроме вот этого, самого маленького, — с напускной строгостью сказал я. — Он открывает дверь в комнату, куда тебе ходить запрещено. Ослушаешься меня — жди беды.

Ты засмеялась и забрала ириску.

— Спасибо. Обязательно загляну в ту комнату. Удачной женитьбы, Синяя Борода, — подмигнув, весело сказала ты перед тем, как уйти к своей компании. — Надеюсь, твоей новой жене повезет больше.

И ты направилась за столик.

— О, ей повезет, не сомневайся, — ответил я, провожая тебя взглядом.

С тех пор прошло семь лет, и я все еще с тобой.

Только ты об этом не знаешь.

глава 1

ЛАВАНДОВАЯ ВЕСНА

Октябрь, понедельник

Где-то вдалеке играет ненавистная мелодия. Она становится все громче и громче.

С трудом разлепляю глаза. Тяжело вздыхаю. Знаю, позитивные мысли приманивают успех, поэтому громко думаю: «Какой впереди классный и насыщенный день, я просто без ума от понедельников, и как же я обожаю вставать в четыре утра!»

Серж спит рядом: на мои будильники он никогда не реагирует.

Серж — мой парень, с которым мы вместе живем больше года. Он фитнес-тренер, работает в клубе в нашем городе, и если не ошибаюсь, то сегодня первая тренировка у него в одиннадцать. От этой мысли дико хочется его пнуть, но я держусь.

Спускаю ноги с кровати. Сердце возмущенно колотится от недосыпа.

Расслабляться некогда — электричка ждать не будет. До станции нужно добираться на маршрутке, четкого распи-

сания у которой нет. А мне всегда не везет: как только я подхожу, оказывается, что моя маршрутка только что уехала.

Мы живем на северо-востоке Подмосковья, а работаю я на юге от Москвы, за МКАДом. Там на пыльном шоссе стоит один захудалый автосалон, где я тружусь в отделе рекламы. Дорога до работы занимает четыре часа: маршрутка, электричка, метро, снова маршрутка и пешком. Уезжаю в пять утра, домой возвращаюсь в десять вечера.

Я привыкла к такому режиму, хоть и тяжеловато дается. Но это временно, вот наберусь опыта и обязательно найду работу поближе.

Меня зовут Есения, можно просто Еся, мне двадцать пять лет. У меня кудрявые темные волосы и стрижка каре, пухлые щеки и круглые, как будто вечно испуганные зеленые глаза. А моя фигура, ну... При росте 165 сантиметров я ношу размер L (ладно, слегка лукавлю — некоторые вещи у меня XL, но они маломерки, честное слово!) — а вы уже сами решайте, много это или мало. Серж хоть и тактично молчит, но считает, что много. Я знаю, он предпочитает девушек, похожих на доски. Тех, которые круглые сутки пропадают в спортзалах и питаются одним смузи из сельдерея.

Но любовь — штука крайне непредсказуемая. И потому Серж со мной.

«Ты моя пленительная баржа! Как же гармонично смотрится твоя большая корма и как же обворожительны твои буйки!» — ласково говорит он мне.

На что я отвечаю, как же прекрасен он, мой обольстительный неандерталец, и как гармонично смотрится его черепушка с сильно развитым челюстным аппаратом и крохотным мозговым отделом.

Удивительно, что мы до сих пор не расстались, ха-ха!

Ладно, я немного лукавлю, на самом деле мы отлично ладим, просто обожаем шутить друг над другом. С чувством юмора у нас все в порядке.

И ему правда нравятся крутые бедра с «ушками».

Серж старше меня на год, в субботу ему исполнится двадцать шесть. У него спортивное загорелое тело, выразительные брови и такое располагающее лицо, что всем сразу хочется с ним подружиться. На улице я ловлю обращенные к нему взгляды девушек и с гордостью думаю: это мой парень! Он выбрал меня!

Мы познакомились в фитнес-клубе. Как-то на открытии торгового центра в нашем городе на улице проводили лотерею, и я выиграла персональную тренировку. Моим тренером оказался Серж, так все и завертелось.

Я чищу зубы, затемдвигаю на кухню, где быстро сооружаю бутерброд с колбасой и готовлю растворимый кофе. Я так и не привыкла к столь раннему завтраку. Подташнивает. Бутерброд — единственное, что мой организм не отторгает в четыре утра. А позавтракать надо обязательно, а то в следующий раз смогу поесть только в час, в обеденный перерыв.

Я вяло жую бутерброд, хотя он и вкусный: свежайший мягкий хлеб, ароматная докторская колбаска. Это несправедливо: я не хочу есть сейчас, когда есть возможность, но часов в девять, когда приеду на работу, — захочу. А там перекусить негде и некогда.

После завтрака я наскоро причесываюсь, закалываю волосы любимыми заколками с лавандовыми курочками. Собираю огромную сумку-торбу, кладу туда ботинок и запасные шнурки: заменяю их в дороге. Дома я этого сделать не успеваю вот уже две недели.

В 4:40 выхожу из дома. Сержа не бужу, чтобы попрощаться: пусть спит, любимый гад.

В электричке я сажусь на свое привычное место у окна по левую сторону. Несмотря на ранний час, народу в такое время ездит прилично, а многие живут еще дальше, чем я.

Я достаю ботинок и занимаюсь сменой шнурков. На меня косо поглядывают, но мне все равно: я частенько делаю разные бытовые дела в дороге, так что к осуждающим взглядам довольно закаленная. В принципе, в электричке можно много чем заниматься, если приспособиться.

Закончив, я открываю на телефоне рабочий аккаунт, проверяю, как идет рекламная кампания. Убеждаюсь, что все нормально, выдыхаю. Затем достаю наушники и запускаю аудиокнигу. Обожаю слушать викторианские романы про неработающих женщин, которые проводят круглые сутки в чтении, музыке, прогулках и сплетнях.

Без десяти девять я вхожу в автосалон.

Первый его этаж занимает выставочный зал, который выглядит еще более-менее, а вот сам офис, где сидят сотрудники, уютится в подвале. И вот это полный треш. Стены — голый неровный бетон, потолка просто нет, да и зачем он нужен? Ведь тянущиеся по бетону гофрированные трубы и провода смотрятся так гармонично!

В двадцатиметровом кабинете сидят пятнадцать человек. Чтобы сэкономить место, вместо столов тут узкие длинные стойки, прикрученные к стене. Сидим мы лицом в стену. Это ужасно неудобно — любой может заглянуть через плечо в твой монитор.

В отделе рекламы работают три человека: два ассистента (в том числе и я) и специалист. Мы сидим рядом, вдоль стены.

Никогда не думала, что буду работать в рекламе. Я пришла сюда год назад на собеседование на должность администратора. Просто от отчаяния — не могла найти работу. И прямо на моих глазах из автосалона сбежала зареванная девушка. Как оказалось, это так уволилась менеджер по рекламе. Мне предложили ее место, и я согласилась. Меня посадили к дерганому парню с огромными синяками под глазами. Сообщили, что это Виктор и что мне нужно смотреть, что он делает, потому что через две недели он тоже сбежит и вся работа перейдет мне, ведь менеджеров больше не останется.

Я обрадовалась. До этого считала, что на должности администратора мне предстоит принимать звонки от озлобленных клиентов или скучающих извращенцев, а еще подавать кофе пяти начальникам. А менеджер по рекламе — это звучит так важно!

На практике оказалось, что мне нужно разбираться с CTR, CРС, конверсией и воронкой продаж. И да... Подавать кофе пяти начальникам, потому что мое рабочее место прямо у двери, я сижу практически на проходе в обнимку с кофемашиной, и из коридора всем кажется, что меня наняли наливать кофе.

Не успеваю я даже открыть рабочий аккаунт, как в кабинет влетает начальник — потный, со злым, красным и одутловатым лицом. Так себе видок.

— Вы чего устроили, тупые одноклеточные?! — орет он. Наш отдел вытягивается по струнке: мы понимаем, что это радостное приветствие относится к нам.

— В смысле? — спрашивает Мика, коллега из другого отдела, который всегда ходит в футболке с Чипом и Дейлом и надписью «Слабоумие и отвага!».

— В смысле?! В смысле?! — грохочет начальник так, что по стенам идет вибрация. — Что с рекламой?! Ефросинья, речь, между прочим, о твоих кампаниях!

Последнее обращение — ко мне. Когда он коверкает мое имя, у меня дергается глаз. Но поправлять надоело, да и неподходящий момент: еще сильнее разозлю.

Женя, второй ассистент, выдыхает, узнав, что сегодня виновник торжества не он. Даже победную улыбку не прячет, говнюк. Да, сплоченностью в нашей компании не пахнет, все радуются неудачам друг друга.

Я вжимаюсь в стул, пытаюсь куда-нибудь затечь.

— Гниды, где лиды?! Елисея, я тебя спрашиваю! Где, твою мать, лиды? С пяти утра ни одного лида!

— Сейчас посмотрю, — спокойно говорю я, а про себя ругаюсь: «Есения, плешивый ты бабуин, меня зовут Есения!»

Вообще, правильно произносить лиды, но начальник делает ударение на первый слог. От этого в голову каждый раз лезет такая картина: много-много одинаковых Лидочек из «Операции Ы» спрятались от моего начальника, а он бегают, орет, ищет их, кричит: «Где Лиды, Лиды где?!»

— Это «сейчас» надо было сделать три часа назад! Вы с чего вдруг решили, рабы вы паршивые, что у вас восьмичасовой рабочий день?! — Лицо у него перекашивается от гнева. А по цвету равняется со свеклой.

Кстати, у начальника есть прозвище, которое я ему дала, но которое употребляю только про себя, а то в компании много доносчиков: Буль. Во-первых, когда начальник орет, у него в глотке все время что-то булькает. Во-вторых, со своими близко расположенными узкими глазами, крупным носом и толстой шеей он очень напоминает мне бультерьера. В детстве один такой пес цапнул меня за ногу. Хорошо, мне

попался ленивый бультерьер, и укусил он слабо. Если бы он использовал все свои заложенные природой мощности, то выдрал бы мне кусок ноги. А так — небольшая ранка, от которой остался шрам. Но собак этой породы я с тех пор не люблю.

— Реклама идет круглые сутки! — гремит Буль. — Это значит, что, если я в два часа ночи позвоню, вы мне должны четко отрапортовать, сколько уже потрачено и сколько получено!

Пока он орет, я в панике бегло просматриваю статистику.

— Сегодня пониженный спрос, — поясняю я. — Отсюда и нехватка кликов и звонков. Уже поднимаю ставки, через пару часов выровняемся.

Начальник немного успокаивается.

— Если к обеду не догоним вчерашние показатели... — Он поднимает руку и растопыривает пальцы. Выдерживает театральную паузу, сжимает кулак, как будто раздавливает что-то, и с угрозой говорит: — Всех уволю!

С этими словами он выходит. В кабинете гробовая тишина. Все торжествующе и высокомерно смотрят на провинившийся отдел — в нашем змеином клубке обожают подобные разносы, но с поправкой: если мишень — не ты, а кто-то другой. А в нашем отделе все злобно смотрят на меня: это мой косяк, поскольку плохо идут мои кампании, а достается всем.

Как я и обещала, немного повышаю ставки. Дело идет лучше, и к обеду автосалон получает с рекламы свое обычное количество лидов — звонков и заявок.

В час — обеденный перерыв, который длится полчаса. Кухни у нас нет, есть крохотный закуток, к которому мое место жметяся. Там стоит тумбочка с кофемашиной и чай-